

Политические процессы и практики

ПЕЛИПЕНКО Андрей Анатольевич — д.филос.н., профессор, главный научный сотрудник сектора теории социокультурных процессов и систем Российского института культурологии (119072, Россия, г. Москва, Берсеневская наб., д. 18-20-22, стр. 3; demoped@yandex.ru)

КОНТРЭВОЛЮЦИЯ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ГЛОБАЛЬНОГО КРИЗИСА СОВРЕМЕННОГО МИРА

Аннотация. Журнал «Власть» начинает публикацию серии новых статей культуролога профессора Андрея Анатольевича Пелипенко, посвященных теме глобального кризиса современного мира. В этом смысле автор продолжает и углубляет освещение проблем, затронутых в книге «Глобальный кризис и проблема Запада». В центре внимания по-прежнему – субстанциональная проблема культурно-цивилизационной системы Запада, впервые наблюдаемый в истории кризис индивидуалистического общества, когда разрушаются самые глубинные основы культуры. Последствия ухода Запада с исторической сцены представляются недооцененными. Автор подсказывает, что путь к изменениям, которые способны увести от наихудших исходов, лежит в отказе от мифов, подробных рассматриваемым в статье.

Ключевые слова: Запад, кризис культурно-цивилизационной системы Запада, Модернити, миф, ценности, смыслы

Воистину: земля перевернулась, подобно гончарному кругу.
Плач Инувера (XVIII в. до н.э.)

Запад — это не геополитическое образование, это то, что можно назвать всеобщим контекстом Модернити, включая и Постмодерн. Трудно представить, что останется, если мысленно изъять все, привнесенное Западом в жизнь незападных стран. Еще несколько десятилетий назад казалось, что лидерство Запада если не вечно, то, по меньшей мере, неизмеримо долговечно. Константы и условия западной культуры понимались как абсолютные, а такие ценности, как свобода, плюрализм и демократия, казались незыблемым фарватером «прогрессивного развития» всего человечества. Но наша эпоха все смешала и спутала. Зараженные бациллой прогрессизма общественные науки вынуждены теперь расплачиваться за отсутствие интереса к неэволюционным формам исторического движения — регрессу, стагнации, распаду, архаизации. Оказалось вдруг, что миллионы людей, шарахаясь от навязываемой им динамики развивающейся части человечества, агрессивно рвутся в спасительное лоно традиционализма. Они не принимают и никогда не примут ни свободы, ни демократии, ни прочих западных ценностей, которые почему-то принято называть общечеловеческими.

Сталкиваясь с непробиваемой слепотой и глухотой нынешнего западного общественного сознания, с бархатной инквизицией, идиотизмом политкорректности и гримасами мультикультурализма на фоне удручающего измельчания личности, волей-неволей приходишь к выводу, что виной тому не затянувшийся период мира и сытости, а глубокие макроисторические закономерности. Обойти или отменить их пока не удавалось никому. Но, кто знает, может быть, такая надежда появится, если хотя бы попытаться их понять. Задача не из легких. И не только интеллектуально, но и психологически, ибо требует глубокой перестройки сознания, отказа от многих стереотипов и вылазки в неведомые дали отчуждения. Но иного не дано.

Критику Запада, сколь бы резкой она ни была, не следует, однако, помещать в русло популярного у нас теперь агрессивного антизападничества, приправленного глупым варварским злорадством. В России дела обстоят намного хуже. Но об этом надо писать отдельную книгу. Проблема же Запада сама по себе достаточно важна, чтобы при ее рассмотрении не срывать в разговор «о своем, наболевшем».

В центре внимания — культурологический анализ истоков западной культуры и мироощущения, стратификация культурно-антропологических типов человека в истории, причины и сущность изменений западной культуры и ментальности в послевоенный период, а также судьба всей логоцентрической системы культуры и распад ее дискурсов в ходе глобального кризиса современного мира.

Оценивая состояние современного мира, обычно используют слово *кризис*. Это не удивительно: системная кризисность всех сторон жизни — налицо. Среди бесчисленных ее проявлений можно выделить, прежде всего, две позиции, которые представляются главными.

1. Фундаментальная система культуры, пришедшая на смену Древнему миру и утвердившаяся в осевую эпоху (в дальнейшем будем называть эту систему логоцентрической), исчерпывает свои исторические и смыслообразовательные ресурсы, распадается и уходит с исторической сцены.

2. Культурно-цивилизационной общности Запада, который сегодня представляет собой последнюю развивающуюся форму логоцентрической системы, брошен исторический вызов, осознанно и решительно отвергающий завоевания Модернити: самостояние отдельной личности, ценности свободы и плюрализма, принцип демократической сменяемости политической власти и все прочее, с этими ценностями связанное.

Если еще недавно положительные стороны модернизации и отрицательные стороны традиционализма были, как и противопоставление развития и стагнации, очевидны, то теперь картина сильно усложнилась. Оказалось, что ценности свободной и самоактивной личности вовсе не являются последним и окончательным пунктом развития, к которому устремлено *все* человечество. А социальные атрибуты такой личности: всеобщее избирательное право, парламентаризм, демократия, либеральная экономика и др., во-первых, оказываются годными преимущественно для западного общества и, во-вторых, и в нем самом претерпевают жесточайший кризис.

Инокультурное сознание отвергает не только общество потребления как таковое, но и сами восходящие к Античности основы антропоориентированного социума. Десятки, если не сотни миллионов людей открыто и бешено ненавидят и презирают свободу. Еще большее их число с неизъяснимым сладострастием срывают тонкую пленку рациональных дискурсов и погружаются в вязкую магму мифов, подчас архаичнейших¹. Это не «откатная волна» антимодернизации, которая, как нередко пишут, должна благополучно схлынуть, освободив дорогу дальнейшему прогрессу. Это, скорее, *контрэволюция*, которая от безличных инволюционных процессов в досоциальных системах отличается тем, что совершается людьми, вполне осознающими свои намерения и интересы. Такого в череде многочисленных кризисов, которые приходилось преодолевать Западу, еще не было.

Однако рутина повседневности создает ложную убежденность в незыблемости основ бытия. Такая убежденность присуща не только обывателю, но и интеллектуалу. Даже высоколобые интеллектуалы нередко разделяют с обывателем наивную веру в то, что все глобальные изменения происходят где-то далеко, в параллельном жизненному миру измерении. Боязнь изменений усиливается, когда будущее предстает особенно смутным, неопределенным, пугающим. В этом случае развивается комплекс футорофобии — стремление вопреки всему оставаться в бесконечно длящемся *сегодня*. Интуитивно улавливая тревожный «гул грядущих событий», но не желая себе в этом признаться, сознание жмет на тормоза психологической инерции и в надежде увильнуть от все более непредсказуемого будущего все чаще заглядывает в комфортную сферу мифа.

Но именно в отказе от мифов, сколь бы ни было это трудно и мучительно, лежит путь к тем изменениям, которые способны увести от наихудших исходов.

От каких же мифов следует отказаться? Поясню, что миф можно понимать двояко: как распространенное мнение, не соответствующее действительности, и как фундаментальный уровень ментальности, точка сборки бессознательно выстраиваемой картины мира.

Прежде всего, — о мифе в первом значении по поводу мифа в значении втором. Общераспространенное заблуждение состоит в том, что миф (во втором его значении) есть явление атавистическое, и современное сознание может и должно жить

¹ Похоже, мрачное пророчество Юнга о выплеске магмы бессознательного поверх тонкой пленки рациональности начинает отчасти сбываться. Впрочем, оно касалось именно западного обывателя.

без него. Давно установлено: полная и окончательная рационализация/деифологизация сознания *невозможна в принципе*. Нелинейность когнитивной эволюции делает невозможной «выдергивание» и элиминирование мифологического фундамента из-под многослойных исторически сформированных ментальных форм, и в т.ч. рационалистических. Не прорефлексированный или смутно мерцающий мифологический фундамент просматривается в любых без исключения научно-философских и мировоззренческих системах. Становится очевидным, что логика и любой рационалистический инструментарий вообще заняты не прояснением некоей объективной картины реальности (не стану упоминать ставшее одиозным понятие истины), а рационализацией лежащего в основе мироощущения мифа.

Поэтому на повестку дня следует вынести вопрос не о том, как бороться с мифологическим сознанием, а о том, каким образом возможно (если возможно) на такое сознание воздействовать. Каковы его тайные бессознательные механизмы, структура и генеалогия? Можно ли трансформировать его уже сложившиеся мифы или смоделировать принципиально новый миф и вдохнуть в него жизнь? Пока такие задачи никем всерьез не ставились. Считается, что «вопрос о мифе» решается прощанием. И то, что он *не* решается, до сих пор никого не смущает.

Сложилась парадоксальная ситуация. В общественном сознании среднего уровня сложности, от которого зависят принятие стратегических решений о путях развития общества, установление приоритетов, ценностей и т.д., господствуют давно устаревшие представления наивно-рационалистического, технократического и позитивистского толка. Связка философии постмодернизма со стихийным «народным» постмодерном — отдельная тема. Осознаны ли в полной мере обстоятельства и значение названного парадокса? Нет.

Другой миф (в первом из указанных значений) — это святая убежденность в существовании неких вечных и общечеловеческих ценностей, под которыми, разумеется, понимаются ценности либерально-гуманистические. И даже не те, что сформировались на Западе в Новое время, а те, что появились лишь в послевоенном мире и утвердились главным образом вместе с доминированием леволиберального дискурса. Чтобы оценить абсурдность этого убеждения, достаточно просто договорить до конца мысль, которая тут подразумевается: леволиберальный гуманизм — финальная точка исторического развития, и никаких иных ценностей больше появиться не может. Этакая тайная и вслух не признаваемая победа идей Фукуямы. Иногда через силу признается, что и ценности эти все же преходящи, но время их ухода еще не настало, а когда настанет — думать не хочется. Психологически все это легко объяснимо. Человек по своей природе тянется к переживанию экзистенциальной сопричастности с чем-то не просто устойчивым, а вечным, непреходящим, метафизически превосходящим человеческое измерение бытия. Отсюда неизбывное стремление переживать исторически преходящие ценности и принципы *своей культуры* как *абсолютные* и если не единственно возможные, то единственно правильные. Эта архаическая по происхождению и действующая бессознательно психологема приходит в кричащее противоречие с провозглашаемыми идеями мультикультурализма. Противоречие столь очевидное, что содержание его не нужно даже специально разъяснять. Объяснять нужно сам факт противоречия. Для этого в дальнейшем изложении остановлюсь на проблеме различения и соотношения секторов ментальности.

Следующий миф — прогрессистский. Речь идет не только о давно осмеянном и отвергнутом на научно-философском уровне прогрессизме, но и об устойчивом комплексе заблуждений. Так, любого рода эволюционные достижения вменяются всему человечеству. Достигаемый в каком-либо месте уровень сложности осознается как *общечеловеческий* и служит точкой отсчета для всей «мировой цивилизации». Это при том, что ни человечества как единого целого, ни какой-то «мировой цивилизации» никогда не существовало и существовать не может. Подразумевается, что освоение всем человечеством достигнутого где-то и кем-то цивилизационного уровня — это вопрос времени и механизмов передачи опыта. Кто отстал — непременно подтянется. Поможем, заставим... В разгар модернизации, когда в Иране носили мини-юбки, казалось, что это возможно. Однако пик модернизации и

культурного доминирования Запада прошел. Причины глобального отступления модернизации не раскрыты, а эволюционистский, в духе XIX в., вздор продолжает господствовать в сознании Запада. Идеология мультикультурализма лишь оттеснила его вкупе с комплексом превосходства на периферию сознания. Противоречие, как всегда, не видится. Парадоксальным образом подразумевается, что культурное разнообразие не мешает утверждению единой либерально-гуманистической системы ценностей. Но ведь культурное разнообразие и проявляется, прежде всего, в ценностях! Как можно этого не видеть? И сколько еще понадобится ираков и афганцев, чтобы, наконец, увидеть и понять?

Осознанию мешает глубокая укорененность эволюционистского¹ предрассудка о «ползучем развитии». Все развивается! Стадиальные характеристики понимаются как временные, изменяемые, способные к бесконечному восхождению от низшего к высшему. Если бы принцип ползучего развития действовал в природе, то все земноводные потихоньку развивались бы до млекопитающих, одноклеточные — до многоклеточных и т.п. Однако в природе нет ползучего развития, а есть типологизм форм: каждая из них рождается сразу и изменяется лишь в пределах своей заданной генами формы. Нет никаких оснований считать, что эволюция культурно-историческая устроена по-другому. Стадиальные исторические и лежащие в их основе ментальные формы не вовлечены в процесс бесконечного структурного усложнения. Достигнув определенного уровня, потенциал усложнения исчерпывается, и любые изменения могут быть лишь адаптационными в рамках существующей конфигурации. Когда рамки эти оказываются критически узкими, форма умирает. Подробнее к этому вернусь, когда речь пойдет об общих законах культурно-исторической эволюции.

Подразумевается также и то, что безличные законы истории — непременно прогрессивные (!) — сами собой обеспечат благожелательный ход событий. Что историческое время всегда работает на прогресс и помогает позитивным инновациям преодолеть инерцию. Такой взгляд сформировался под действием аберрации, в силу которой исторический процесс видится как последовательность поступательных шагов, тогда как процессы рецессивные — стагнация, регресс, распад социальных структур, различные архаизирующие тенденции — в сферу внимания почти не попадают. Чаще всего их рассматривают как временные помехи на магистральном пути, по ходу которого эстафета прогресса подхватывается новыми народами из рук уходящих старых. Те же народы, которые вообще стояли в стороне от «столбовой дороги», стали вызывать интерес лишь сравнительно недавно, да и то главным образом в их косвенной связи с народами «историческими», в орбиту исторического бытования которых они попали. А ведь народов — аутсайдеров поступательного развития — большинство, и акты магистрального развития в количественном отношении ничтожны. В большинстве случаев побеждает не новое качество, а инерция. И лишь в отдельных случаях, при определенном стечении обстоятельств совершаются локальные точечные прорывы, в результате которых инновативные качества побеждают инерцию, закрепляются и распространяются на определенные ареалы. В эпоху глобализации и тотальной информационной прозрачности это выглядит по-иному, но в любом случае магистральное развитие *никогда* не является процессом *всеобщим*. И то, что инновативные качества заставляют стадиально иные формы к себе приспосабливаться, положения не меняет. Всегда следует четко проводить границу: где кончается органичное распространение и усвоение нового исторического качества, а где имеет место эффект навязанного развития. Поднята ли кем-либо эта проблема? А ведь ошибки здесь обходятся очень дорого.

Важнейшей психологемой, имеющей глубокие мифологические основания, является отношение к «другому». Образ другого еще со времен архантропов переживался как нечто негативное, вызывающее страх, тревогу, неприязнь и отторжение. Другой — это «анти-я», т.е. такой же, как я, только неправильный, мой соперник в борьбе за жизненное пространство и ресурсы. Много тысячелетий прошло,

¹ Говоря в данном контексте об эволюционизме, я имею в виду не эволюционистскую парадигму вообще, а культурный эволюционизм XIX в.

прежде чем на исходе палеолита было понято, что другой – тоже человек, и его не следует обязательно при первой возможности убивать и съедать. Но сама идея неприязни к другому не исчезла, а продолжала вдохновлять (если здесь уместно это слово) на противостояние чужим и консолидацию своих этнокультурных коллективов. Без ненависти к чужим были бы невозможны известные с мезолита военные практики и все немыслимые жестокости, которыми переполнена история вплоть до Новейшего времени. Сложился своего рода миф о злом и вредоносном чужаке, для отпора которому следует объединяться. Перефразируя известное высказывание, «хороший чужак – это мертвый чужак».

Однако в послевоенной культуре Запада произошла удивительная и уникальная вещь: психологема отторжения чужака инвертировалась, т.е. вывернулась наизнанку. Если, согласно традиционному пониманию, я априорно хорош, а другой – плох, то в современном западном сознании все ровно наоборот: другой априорно хорош, а я – плох. Другой всегда прав, я – всегда виноват. И потому я в неизбывном долгу перед другим. Последствия такой инверсии уже проявляются со всей пугающей ясностью. Инфантильное отношение к другому, которому все заранее позволено и прощается и о котором следует заботиться, учить его и лелеять, зашло уже так далеко, что создает прямую угрозу культурно-цивилизационной идентичности западного человека. Быть может, идентичность как таковая больше вообще не является ценностью? Если так, то это уже диагноз и приговор.

Нельзя не упомянуть о мифе антропологическом [Пелипенко 2014]. Переболев в 1920–30-х гг. расистскими теориями, западное сознание, ужаснувшись их нацистским исполнением, шарахнулось в противоположную крайность. Идея антропологического единства человечества была объявлена истиной в последней инстанции, высшей ценностью и одной из священных коров либерального гуманизма. Научная мафия в союзе с идеологическим ареопагом наложили табу на высказывания любых доводов в пользу качественных культурно-антропологических различий между людьми как в синхронном, так и в диахронном срезе. Положено считать, что формы мышления неизменны, а меняется лишь их содержание. Эта нелепая идея подается с разной степенью откровенности, но всегда без необходимых обоснований. Разумеется, на некотором высоком уровне обобщения, где уместно говорить о принципиальных отличиях мышления человека от когнитивности животных, можно выявить некие общие свойства и структуры человеческой ментальности. Но внутри этой видовой матрицы выделяются качественно разные ментальные и, соответственно, культурно-антропологические типы.

Источником мифологизации (в первом понимании мифа) часто оказывается бессознательное перенесение свойств своей ментальности и культуры на ментальность и культуру вообще. Рефлексивное, продвинутое и вооруженное «научной объективностью» западное сознание само занималось и продолжает заниматься таким переносом. В любом культурно-историческом субъекте оно усматривает человека экономической цивилизации, чьи ценности и мотивы социального поведения определяются, прежде всего, рационально осознанными экономическими интересами. Видя жизнь в экономическом измерении, такое сознание творит множество глупостей вплоть до фетишизации экономического роста и попыток наказать другие страны экономическими санкциями.

Не будет преувеличением сказать, что за пределами башни из слоновой кости, где обитает высокоинтеллектуальная философия и наука, положение которых сейчас, впрочем, тоже далеко от благополучия, господствует вульгарный рационализм. Его ключевые принципы вкратце таковы:

- существует сетка универсальных категорий, применимая к любым культурам, меняется лишь их историческое наполнение;
- универсальную и незыблемую основу культурного бытия человека составляют утилитарно-хозяйственные и соответствующие им социальные практики;
- все иные практики при всей их важности – «вторичные», «надстроечные», не основополагающие;
- ценности и установки человека «экономической цивилизации» правомерно экстраполировать на человека иных эпох;

– историческая эволюция инициируется и направляется преимущественно внешними вызовами, условиями и обстоятельствами, а двигателем истории выступают «возвышение потребностей» и прогрессия адаптаций.

Сам характер вопросов, которые вульгарный рационализм задает миру, себе и истории, диктуется химерой утилитаризма, и потому во всяком *ином* историческом субъекте вульгарно-рационалистическое сознание неизменно видит лишь свое собственное искаженное отражение. Нет предела его удивлению, когда оно сталкивается с тем, что, оказывается, не все люди стремятся к свободе, что социальное поведение может вовсе не ориентироваться на экономические факторы и т.п. Пора, наконец, понять, что другой – это, прежде всего, *другой*, и коммуницировать с ним надо именно как с другим. Задача эта непроста и требует от сознания гораздо более высокого уровня гибкости и релятивности языков культуры, чем тот, которым сегодня располагает внешне подвижный, но внутри достаточно ригидный западный интеллект.

Существует психологема, корни которой уходят даже глубже мифологического фундамента ментальности. Это святая априорная убежденность в возможности существования мира без противоречий. Восходя к стадиальному рубежу биологического и антропного, она стремится вырваться из раздвоенного и расколотого противоречиями мира и вернуться в изначальное непротиворечивое и целостно-органичное существование. О том, что такое состояние возможно, смутно подсказывает «память» о пренатальном состоянии¹. Культура придавала этой психологеме мифологическое оформление – от разнообразных трансцендентных техник до развитых эсхатологических доктрин осевой и последующих эпох и позднее – «научных» и литературных утопий Нового времени. Признание очевидного факта о принципиальной невозможности культурного бытия вне противоречий дается человеку крайне трудно². Мир без насилия, мир без войн, в конечном счете, мир без зла вообще – все эти абстрактно-метафизические фантазии, облекаясь в квази-философскую и наукообразную форму, продолжают играть роль современной мифологии. В этом смысле кантовское сочинение «К вечному миру» – чистой воды мифология.

Культура не только создает противоречия, но и разрешает их. Правда, разрешение это редко бывает полным и окончательным, а на месте снятых противоречий тотчас возникают новые. И с этим человек примириться не хочет и не может, ибо душа его жаждет тотального освобождения от всех и всяческих противоречий. Пока культура с той или иной мерой успешности разрешает противоречия человеческого бытия, она продуктивна и жизнеспособна. Когда эта функция начинает отказывать, наступает закатная эпоха, и люди перестают понимать, что с ними происходит. В истории Запада таких кризисных ситуаций было несколько. Но то были кризисы структурные. Теперь же, по-видимому, наступает кризис системный, когда разрушаются самые глубинные основы культуры.

Одной из таких основ является способ, с помощью которого та или иная культурная система разрешает противоречие между социальным и индивидуальным. Их полная и окончательная гармонизация невозможна в принципе, поскольку противоречие здесь образуется феноменами онтологически разнопорядковыми, не имеющими общих измерений. Например, как килограммы и километры. А если бы такая гармонизация удалась, то это означало бы конец и человека, и культуры, и истории. На ситуативном же и временном уровне такая гармония вполне достигалась. Традиционный мир неизменно решал такого рода противоречия в пользу начала общесоциального, и потому все незападные общества были и остаются в той или иной мере социоцентричными. Существенные подвижки в сторону ориентированного на человека общества были сделаны в Античности. Но только в выходящей из Средневековья Западной Европе этот принцип победил и утвердился окон-

¹ Возможность такой памяти достаточно убедительно доказана С. Грофом.

² Потому, в частности, философская диалектика всегда была уделом единиц, всегда в общем нелюбима и при первой возможности исключалась из философского дискурса.

чательно. Поэтому системный кризис индивидуалистического общества наблюдается в истории впервые. К этому вопросу тоже еще будет повод вернуться.

Глубина и масштаб кризиса таковы, что постичь их, обращаясь лишь к реалиям последних десятилетий, невозможно, хотя именно в этот период произошло кризисное перерождение западной цивилизации и самого западного сознания. Если признать, что в истории действуют какие-то закономерности, то поиски истоков нынешнего положения дел следует начинать из глубины прошлого, расставшись с обывательской иллюзией, будто «все это к нам не имеет отношения». Подход, основанный на культурно-исторической и ментальной реконструкции или, как стало модно говорить, «археологии», требует парадигматической ясности и четких теоретических оснований. Иначе говоря, масштаб проблемы таков, что не уйти от вопроса о том, с каких позиций рассматриваются человек, культура и история в их эволюционной динамике.

Попробую предельно кратко сформулировать исходные постулаты на основе подходов смыслогенетической теории культуры¹.

- Культура – не инструмент или способ решения человеком своих адаптационных или иных задач, а саморазвивающаяся система, встроенная в эволюционную пирамиду универсума. Проблемы адаптации человека к условиям существования – всего лишь внутренний момент системного развития культур, т.е. одно из его (развития) условий, но никак не цель.

- Структурной единицей и первичным элементом – носителем всякой культуры выступает смысл. Смыслообразование – продукт особого психического режима, обусловленного самонастройкой нейродинамической системы/психики в ответ на вызовы *эволюционной болезни* антропогенеза [Пелипенко 2012]. Способность порождать смыслы качественно отличает человека от животного. Таков ответ на «антропологический казус» современной науки (прежде всего, этологии), ретуширующей качественную границу между человеком и животным.

- Культура/культуры, как и любая вовлеченная в эволюцию система, будь она абиотической или живой, обладает *полевыми свойствами* и способностью к *нелокальным взаимодействиям*. Субстратом, т.е. первичным сетевым элементом культурного поля, служит сфера человеческой ментальности.

- Культура обладает собственной субъектностью. При этом ее носитель – человек, и принципы ее самоорганизации от него не зависят и не выводятся из его сознания и жизненного мира.

- Историческая эволюция понимается как последовательная и направленная смена локальных культурных систем (ЛКС) и макросистем. Основаны же эти изменения на имманентной трансформации ментальных конфигураций и, соответственно, типов человека как культурно-исторического субъекта. При этом тип ментальной конституции человека и тип культурно-исторической организации находятся меж собой в отношениях сложной корреляции.

- В реконструкции исторических форм применяется принцип восхождения от когнитивных схем к ментальным структурам, от них – к социокультурным практикам и, наконец, к отдельным культурным феноменам. Таким образом, культурная реальность разных исторических эпох постигается на основе реконструкции *когнитивных схем* соответствующего исторического субъекта.

- При том, что эволюция нелинейна, общая направленность ее сохраняется, а потому принцип детерминизма остается в силе. Для описания эволюционной нелинейности вводятся эпистемы диффузной причинности и переменного доминирования смыслов. Вообще подход к проблеме детерминизма строится, прежде всего, на отказе от примитивной антиномичности: либо царство случайности, либо все предопределено. В синхронном историческом срезе разные общества находятся на разном уровне детерминизма. Зависит он от многих факторов, связанных с особенностями культурно-исторического опыта, но прежде всего – от стадии системного развития ЛКС. Чем длиннее ее история, тем выше предопределенность будущего выбора, сделанного на исторических развилках прошлого; ведь каждый акт такого

¹ Речь идет о системной теории, которую автор разрабатывает в течение последних 20 лет.

выбора сужает поле возможных альтернатив¹. Соответственно, самый низкий уровень детерминизма и абстрактной свободы исторического выбора наблюдается у ЛКС народов, только начинающих самостоятельный путь в истории. Что же касается общего уровня предопределенности в глобальном измерении, то он определяется сложным контекстом взаимодействия ЛКС с разным собственным уровнем детерминизма. Анализ характеристик итоговой амальгамы и образующих ее компонентов мог бы стать отдельным исследовательским направлением.

- Категорически отвергается экзогенетический перекос² в объяснении культурно-исторической динамики; большее значение придается автоморфическим факторам.

- При всем многообразии культурно-исторических форм в развитии культуры как эволюционирующей системы прослеживается некая доминанта. Из этого, однако, не следует верность классически-эволюционистского положения о том, что все народы в своем развитии проходят одинаковые стадии.

- Категорически отвергаются идея культурно-антропологического единства человечества и сам концепт абстрактного «философского» человека.

Остается добавить, что смыслогенетическая теория отказывается от формулирования своих методологических оснований в архаической дихотомии «идеализм – материализм»³. Об этом не стоило бы даже и говорить, если бы не традиция безосновательного увязывания эволюционизма как такового с материалистическим мировоззрением, а также укоренившаяся дурная привычка делить культуру на материальную и духовную.

Список литературы

Пелипенко А.А. 2012. *Постижение культуры*. Ч. 1. *Культура и смысл*. М.: РОССПЭН. 607 с.

Пелипенко А.А. 2014. *Глобальный кризис и проблема Запада*. М.: Знание. 221 с.

PELIPENKO Andrei Anatol'evich, Dr.Sci.(Philos.), Chief Researcher of the Sector of the Theory of Socio-cultural Processes and Systems, Russian Institute for Cultural Research (18-20-22, bld. 3, Bersenevskaya Emb., Moscow, Russia, 119072; demoped@yandex.ru)

COUNTER-EVOLUTION AS A SIGN OF GLOBAL CRISIS OF MODERN WORLD

Abstract. *Our magazine is starting publication of a series of new articles by Professor Andrei Anatol'evich Pelipenko devoted to the global crisis of the modern world. In this sense, the author continues and deepens coverage of the issues raised in his previous book «The Global Crisis and the Problem of the West». He is still focusing on the problem of the substantial cultural and civilizational system crisis of the West. The crisis was first observed in the history as a crisis of individualistic society that destroyed the deepest foundations of culture. Consequences of withdrawal of the West from a historical scene are undervalued. The author suggests that the way to changes that could lead away from the worst outcomes lies in the rejection of the myths that have been discussed in detail in the article.*

Keywords: *West, traditionalism, crisis of cultural and civilizational system of the West, Modernity, myth, values, meanings*

¹ Плотность таких развилок, однако, не определяется одной лишь временной протяженностью исторического опыта: в одних случаях таких развилок может быть одна-две за тысячелетие, в других же – несколько за столетие.

² Речь идет о разнообразных вариациях энвайроментальных теорий, экологического детерминизма и вообще любых культурогенетических представлений, связанных с тойнбианской формулой: «вызов и ответ».

³ При том, что для философии эта дихотомия утратила свою актуальность и эвристичность еще в прошлом веке, она все еще имеет хождение в науках предметных – археологии, цивилизационном анализе, социальной истории, антропологии и др.